

Одной из самых популярных детских сказок в мире является сказка «Три поросёнка». В России она известна в авторской трактовке Сергея Михалкова. Эта трактовка не вполне совпадает с английской народной сказкой «Three Little Pigs», где фигурирует мама-свинья, которая в начале и в конце сказки повторяет: «Whatever you do, do it the best that you can because that's the way to get along in the world», то есть: «Всё, что бы вы ни делали, делайте это наилучшим образом, поскольку только так можно прожить в этом мире». Дальше в английском оригинале сказки происходит почти то же, что и в пересказе Сергея Михалкова. Только, в отличие от михалковских, ленивые поросята погибают. Волк, сдув соломенный домик и домик из прутиков, тут же съедает обоих лентяев. Затем он пытается проникнуть в каменный дом трудолюбивого поросёнка через печную трубу и попадает в котёл с кипятком. Вроде бы всё простенько и понятно.

Кроме одного момента, который смущал моё воображение малыша с раннего детства. Я прекрасно знал, видел и представлял себе, как выглядывает печная труба над домом. Тем более над основательным каменным домом. В этой замечательной сооружение ни волк, ни любая другая зверь размером с взрослого волка протиснуться не в состоянии. Категорически это утверждаю. Или волк должен быть величиной с кошечку.

Однако сказка «Три поросёнка» — старинная, народная. Старинные сказки всегда основаны на правде. Они не лгут, особенно если какая-то деталь постоянно подчёркивается. И если в ней имеется такой фрагмент с проникновением именно через трубу (раз везде во всех вариантах сказки фигурирует именно такое развитие событий), значит, волк действительно пытается проникнуть в дом именно таким способом. Если бы это была труба доменной печи сталелитейного завода, всё было бы понятно и ясно. И волк бы туда пролез, и может быть, даже небольшой слон мог бы протиснуться. Но это труба домашняя. В том-то и дело...

Кстати, трактовка сказки Сергеем Михалковым не единственный вариант авторских трактовок. Задолго до него в 1849 году историю о трёх поросятах изложил Джеймс Халливел. Его сказка была опубликована в Англии в книге под названием

«Популярные рифмы и убаюкивающие истории». Халливел заслужил одобрение своего коллеги Джозефа Якобса после того, как адаптировал эту историю для его книги под названием «Английские сказки».

Теперь попытаемся представить себе: что это был за дом и откуда он взялся — с каких древних времён. На территории современной Англии когда-то жили кельты. Жилища кельтов Уэльса были круглыми и сверху покрывались соломой или камышом, внешне весьма напоминая чумы северных народов, поскольку конусообразные крыши свисали чуть ли не до земли. Ведь что такое чум? Практически — это крыша без стен. Просто крыша над головой. Развалить домик, забравшись на такую «крышу», не составляло никакого труда. Вспомним историю двух покойных ленивых поросят. Похоже? Очень.

Однако воздвигались и каменные постройки. Например, на юго-западной границе Ирландии строились каменные хижинки с выступающими крышами — клочаны, построенные методом именуемым «насухо». Постройка насухо — это метод, когда камни укладываются без связующего раствора; крепость таких строений достигается за счёт давления камней друг на друга и сцепления их между собой. Клочаны напоминают собой ульи, с очень толстыми, до 1,5 метров, стенами. При этом иногда они не имели каменной крыши.

А теперь обратим внимание на III тысячелетие до нашей эры. Древний город Хаттусас (Турция) — столица древнего Хеттского государства. Город на этом месте существовал уже в III тысячелетии до н. э. Столицей он стал при царе Хаттусили I. Город просуществовал до XIII века до н. э., когда был уничтожен финикийцами — «народом моря». Многие из созданного зодчими Хеттского государства отражало влияние крито-микенской культуры и, в свою очередь, воздействовало на неё. Те же каменные дома круглой формы. Но где же печные трубы? В те давние времена предки кельтов, переместившиеся позднее на запад, были солнцепоклонниками, как и основная часть жителей Земли. Солнцепоклонниками в доисламские и дохристианские времена было и подавляющее большинство жителей Малой Азии и Кавказа.

В их домах не было печных труб в современном их понимании, а имелись сдвоенные дымоходы над домашним очагом, именовавшиеся «дубла». По одному дымоходу уходил дым от очага, а через другой в помещение проникал свежий воздух. Кроме того, через оба дымохода (они были достаточно широки для этого) помещения освещались. Никаких окон в таких жилищах не существовало. Дубла являлись и окнами, и дымоходами, и своеобразными «кондиционерами».

Кстати, одним из интересных обычаев на Апшеронском полуострове, связанных с этими дубла, был «гуршаг саллама» (опускание пояса через дымоход). «Гуршаг саллама» — своеобразное сватовство. Влюблённые молодые парни опускали свои пояса в дубла — дымоходы. К кончику пояса привязывался носовой платок. Если родители девушки были согласны, то платок отвязывался ими от пояса и завязывался на запястье девушки в знак помолвки. Если же согласия не было, то платок наполнялся сладостями и возвращался обратно. Очень такой вежливый интеллигентный отказ.

Вот в такие дымоходы каменных домов мог пробраться любой волк или злой дух! Мог и войти, и выйти. Запросто. И внизу действительно (в отличие от английских каминов) мог поместиться кипящий котёл, достаточных для крупного зверя размеров! Но. Оглянемся ещё раз: в какую глубину веков увела нас сказка о трёх поросятах! Тысячи и тысячи лет назад. И совсем иные места. Прошла бездна времени. Родились, переместились и исчезли целые народы. Возникли и разрушились государства. А мудрое слово сохранилось: «Всё, чем ты занимаешься, делай на совесть».

Тайна башни города Бога

Стоит посреди и одновременно на самой окраине города Баку одно из чудес света античного мира, о рождении которого ничего не известно до сих пор: Девичья башня. Посреди — потому что с этого места начинался город Баку. На окраине — потому что дальше только море. Когда-то я назвал эту башню «Свирелью для ветра». Изначально она была полой внутри, все этажи и перекрытия были установлены в ней гораздо позднее её постройки — фактически в современное время. 28-метровая полая изнутри башня с 9-ю окнами, выходящими на одну сторону и никуда больше — явно не для обороны. И вообще, никакого военного смысла в башне нет и никогда не было. Все имеющиеся сейчас окна направлены не просто в одну сторону, а вверх — в небо, то есть небо в них увидеть легко, а вот чтобы увидеть землю, надо так скрючиться и изогнуться, что ни о какой стрельбе из лука в осаждающих и речи быть не может. Ни с каких иных сторон окон в башне нет. И не было. Это видно по цвету камня стен. Он однородно тёмный. Свирель для ветра — это, конечно, поэтический

образ. Баку — город ветров, 256 дней в году море штормит. Поэтому ветру легко было гулять по окнам-отверстиям полой башни (крыши она изначально тоже не имела), извлекая из неё удивительные ветряные мелодии.

Кстати, по поводу имени города. Долгое время считалось, что Баку — город ветров в стране огня. Здесь из-под земли, хранящей залежи качественной нефти (в том числе «белой нефти», фактически природного конденсата с большим содержанием бензина), выходили на поверхность природные газы. Они самовозгорались и пылали тысячами. Поэтому и «страна огня».

Византийский автор первой половины V столетия Приск Панийский, описывая путь, ведущий из Скифии в Мидию, сообщает о «пышущем из морского камня пламени». Армянский автор VIII века Гевонд, описывая события в Кавказской Албании в связи с нашествием хазар в 730 году, упоминает разрушенную ими область Атши-Багуан. Слово «Атш», искажённое древнеперсидское «Атеш», означает огонь.

Следовательно, «Атши-Багуан» — «огни Багуана». Любимое название для ресторанов, открываемых бывшими бакинцами во всех частях света — «Огни Баку». Этимология слова «Багуан» связывается с индоевропейским корнем «бага» или «бхага» — «Бог» или «Бхагаван» — «Божественный». Таким образом, Баку — город Бога.

В октябре 2007 года при рытье котлована на месте известного бакинцам «дома Губернатора» были обнаружены остатки фундамента бывшей крепостной стены, фрагменты колонны, каменные стелы. На глубине 6–8 метров найдено большое количество керамики, которая, по заключениям археологов, датируется античным периодом (IV–I век до н. э.). Интересно, что большинство находок были обнаружены под слоем синей глины.

Образование этого слоя связано, скорее всего, с периодическими изменениями уровня Каспийского моря. Можно предположить, что наиболее древняя часть города находилась на побережье или даже в Бакинской бухте и разгадку античной истории одного из самых загадочных городов мира нужно искать... на дне моря.

Однако вернёмся к башне. По одной из наиболее популярных версий последнего времени, её предназначение было культовым: здесь поклонялись Солнцу. Возможно, так оно и есть, поскольку, например, расположение окон таково, что солнечный свет в них попадает только в определённое время и по нему можно довольно точно установить момент зимнего солнцестояния. Согласен. И всё же есть сомнения...

Первое, чтобы вообще чему-то поклоняться, нужно в первую очередь иметь для этого жизненную возможность. Что нужно человеку для того, чтобы жить на Земле? Воздух, свет и пресная

вода, чтобы пить её и выращивать растения для еды, возделывать землю... Баку со своей башней находится на Апшеронском полуострове. Климат здесь полупустынный. Пресной воды мало. Характерны холодная зима, мягкая весна, жаркое засушливое лето и ясная солнечная осень. Часты сильные ветры (бакинский норд, гилавар, хазри). Летом бывает очень жарко. И главная проблема всех времён — очень мало природной пресной воды. А если её недостаточно, то никто ничего ни для чего строить не будет. Потому что без воды жить невозможно. Но если башня — храм, значит, у молившихся Солнцу была вода. Откуда?

Второе. Если приглядеться, то даже на фотграфиях ясно видно, что камень в тех местах, где находятся окна башни, более светлый, чем в остальных местах, то есть более «молодой», чем сама башня. А это значит, что окна в башне появились значительно позже её сооружения. Из чего следует, что если башня и имела культовое значение, то не со времени своего основания, а гораздо позднее, возможно, на несколько веков.

Обратив внимание на карту с местоположением башни, можно отметить, что находится она на самом краю Бакинской бухты, причём в её крайней северной точке, на изгибе. На надпись на карте сообщающую, что башня построена в XII веке, можно не обращать внимания. Это банальная ошибка археологов: возраст башни они определяли по надписи на арабском языке, вмонтированной в её стену, не заметив, что камень с надписью — пришлый и был вставлен в стену арабскими завоевателями. Цементный раствор, которым они это делали, по составу совершенно другой, чем у остальной кладки. Завоеватели не строили этой башен. Скорее наоборот. Сломать у них не получилось, стены слишком толстые, возни много, тогда они установили на башню свою «наклейку». Вставить камень — это же не саму башню строить. А уважаемые учёные об этом как-то не догадались.

Как было сказано выше, само поселение в древние времена наверняка находилось там, где сейчас плещутся волны Бакинской бухты. Уровень Каспийского моря был значительно ниже, и броситься с башни в море, как о том гласит популярная легенда, было никак невозможно. О том, что уровень моря был много ниже, говорит хотя бы такой исторический факт: туркменские племена, переселившиеся в Азербайджан и Малую Азию, перекочевали туда из Туркмении посуху — по песчаной косе, тянувшейся от Туркмении до Апшеронского полуострова через всё Каспийское море. Они не были мореплавателями, они перешли море с востока на запад, не замочив ног. Почему? Потому что существовал проход с востока на запад.

Море находилось гораздо ниже. И не было Бакинской бухты. А была плодородная земля. Если её орошать, конечно.

Чем орошать? Водой из башни. Если в башне нет окон. Если она поляя внутри от основания до самого верха. Если у неё нет никакой крыши. То это что? Это — водонапорная башня! Ёмкость для воды — самый жизненно важный объект во все времена!

Но откуда в башню могла поступать вода?

Источник первый — атмосферный. Поскольку башня изначально была сквозной до земли, то во время дождей вода легко проникала в башню и стекала по стенам в желоба на ярусах вдоль стен. Далее по керамической трубе вода поступала на первый этаж и накапливалась в каменном колодеце. Существовал и второй источник влаги — вода, конденсируемая из воздуха. Башня расположена на берегу моря, где влажность всегда повышенная, а в утренние часы — конденсируется на земной поверхности в виде росы. Толстые стены и высота башни создают большую разницу температур между воздухом снаружи и внутри башни, что также усиливает конденсацию влаги (толщина стен в основании — 5 метров, вверху — 4 метра). Выступы на ярусах верхних этажей шире, чем внизу. Внешняя сторона башни имеет широкую поверхность для водосбора. Крыши у башни не было. Вода с наружной стороны башенной стены затекала в щели между камнями и проникала во внутреннее пространство. Если обратить внимание на ребристую верхнюю часть внешней поверхности башни, то камни на ребристой части не так плотно подогнаны друг к другу, как в нижней части башни, между ними, вероятно сознательно, строителями каменного сооружения оставлены щели. К тому же и сама ребристая часть выступа башни также увеличивала поверхность водосбора. На старых схемах можно также заметить следующую деталь: внутри башни выступы ярусов значительно шире именно на верхних ярусах, т. е. там, где за счёт ребристой поверхности площадь водосбора увеличивалась, а следовательно, и возможности для сбора влаги, было больше.

Источник второй — кяриз. Почти 3000 лет назад, ещё за 300 лет до войны персов с греками, в персидском городе Гонабад была сооружена действующая до сих пор система кяризов. Не случайно античный историк Полибий сообщал о кяризах Южной Парфии, отмечая, что тому, кто проведёт «ключевую воду в местность, до той поры не орошённую», предоставлялась в пользование сроком на пять поколений вся область. Что такое кяриз? Кяриз считается одним из величайших изобретений человечества! Эта водопроводная система, способная собирать воду из подземных горизонтов и транспортировать её в города и ирригационные каналы. Благодаря этому изобретению Персия смогла существовать и развиваться в условиях засушливого климата.

Гидротехническая система кяризов включает в себя основной колодец, который получает

воду из подземного горизонта, систему туннелей, по которым вода транспортируется в определённое место, и вертикальные скважины для вентиляции вдоль всего маршрута, что также позволяет конденсировать влагу. Ко всему прочему, подземный водовод значительно снижает испарение драгоценной влаги. Строительство кяризов, глубина которых доходила до нескольких сотен метров, а длина галерей — десятков километров, являлось чрезвычайно трудоёмким делом. Причём мастера рыли колодцы снизу вверх, что было очень опасным занятием. Кяризы — уникальные сооружения, позволяющие добывать воду с большой глубины сложными цепочками подземных галерей и вертикальных смотровых колодцев, самотёком выводя воду в нужное место! Например, к Девичьей башне, под которой нет ни одного водоносного пласта. Правитель Хорасана Абдуллах ибн Тахир (830–840) даже поручил знатокам религиозного права (факихам) составить специальное руководство по кяризам.

Автор XI века Гардизи пишет, что составленная книга «Китаб ал-Куний» («Книга о колодцах») продолжала служить и в его время, то есть спустя 200 лет после её написания. Знаменитая гонабадская система кяризов, включённая ЮНЕСКО в список всемирного наследия, действует до сих пор, несмотря на то, что была построена 2700 лет назад. В наши дни она обеспечивает водой примерно 40 000 человек. Длина гонабадских кяризов составляет 33 113 метров, они содержат 427 углублений для воды. Сооружения построены с использованием знаний законов физики, геологии и гидравлики.

Как я уже отметил, в недрах под Девичьей Башней воды нет, но выше, на склонах Бакинского холма, там, где находится дворец ширваншахов, подземная вода имеется. Даже родники есть. Расстояние от этого места до Девичьей башни — мизерное по сравнению с длиной гонабадских кяризов: несколько сотен метров. Известно, что на территории дворца ширваншахов имеется кяриз XV века. Почему бы не поискать более древний кяриз? И тогда тайна Девичьей башни наконец откроется. Более того, обнаружение такого кяриза поставит жирную точку в определении возраста города Бога — Баку. Ибо точно известно, когда именно человечество начало использовать кяризы — 3000 лет назад.

Исполненный очей

Помните песню, исполнявшуюся группой «Аквариум», «Под небом голубым есть город золотой»? Первый раз я услышал её в кинофильме «Асса». Были там странные слова, обратившие на себя моё внимание с первого раза: «исполненный очей». Как это? Что такое?

Поначалу я счёл, что «вол, исполненный очей» — такая поэтическая метафора. Все знают «воловы

глаза» — как бы большие глубокие глаза с поволокой. Я ошибочно решил, что именно этот смысл имел в виду автор текста песни. Но. Это заблуждение. Всё не так. Не так просто.

В Откровении Иоанна Богослова (Апокалипсис), дошедшем до нас на древнегреческом языке, сказано:

«И перед престолом море стеклянное, подобное кристаллу; и посреди престола и вокруг престола четыре животных, исполненных очей спереди и сзади.

И первое животное было подобно льву, и второе животное подобно телцу, и третье животное имело лице, как человек, и четвёртое животное подобно орлу летящему.

И каждое из четырёх животных имело по шести крыл вокруг, а внутри они исполнены очей; и ни днём, ни ночью не имеют покоя, взывая: свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядёт» (гл. 4; стих 6–9).

Не вол, а все четверо животных исполнены очей спереди и сзади, то есть, по всему телу. Или, как минимум, по всей голове. У каждого из этих существ имеются крылья. Количество крыльев — шесть. Как такое может быть, если такое возможно? А если невозможно, то есть ли у человеческого воображения какие-то реальные основания?

Шестикрылые существа упоминаются и в Ветхом Завете. В Книге Пророка Исаии они появляются в его рассказе о странном видении перед призывом в храм иерусалимский: «Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шесть крыльев: двумя закрывал каждый лице своё, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал.

И зывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!» (гл. 6; стих 2–3).

О глазах ничего не говорится, но шесть крыльев присутствуют. У Иоанна — животные, у Исаии — серафимы. Существует версия о том, что образ серафимов уходит корнями в облик существовавших ранее духовных существ сирийских мифов, датированных первым тысячелетием до н. э., или в иконографию Вавилона и Ассирии, откуда во всём своём правдоподобии первых представлений об ангелах был заимствован в иудейский и христианский миры.

Итак, некие существа вокруг престола Создателя числом 4 имеют каждый по шесть крыльев и головы их (или тела) покрыты бесчисленными глазами. Фантастически невообразимая картина. Не правда ли?

Однако у меня возникли некоторые предположения по этому поводу. Пророки были людьми, обладающими великолепным воображением, несомненно. Но. Воображение это имело свои вполне реальные основания. Почему существ ровно четыре? Почему крыльев у них ровно по шесть? Шестью

четыре—двадцать четыре. В сутках 24 часа. По шесть часов приходится на четыре времени суток: день, вечер, ночь и утро. Первое существо—день, второе—вечер, третье—ночь, четвёртое—утро. Каждый час—это одно крыло. Вот вам шесть крыльев на каждого серафима! Престол—солнце. Четыре существа с шестью крыльями вращаются вокруг солнца—символ одних суток. Солярное (солнечное) происхождение всей этой истории в данной версии—очевидно!

Теперь о внешнем виде. Глаза—очи. Исполненные очей—покрытый глазами. Есть ли существа, покрытые глазами? Да! Павлин. Рисунок его перьев напоминает глаза, и не просто глаза, а ещё и с переливом! Знали древние о павлинах? Безусловно. Можно представить себе крылья из павлиньих перьев? Да. С какой стороны на них видны «глаза»? С обеих сторон! Кстати, есть ещё бабочки—«Павлиний глаз». У них по четыре «глаза» на крыльях. Это один вариант. Но есть и другой...

Глаза только на голове. В огромном количестве. Есть ли такие существа в реальности? Есть—стрекозы. Как и у многих насекомых, глаза стрекозы состоят из множества маленьких глазков—фасеток—благодаря которым изображение складывается на манер мозаики. Таких фасеток у стрекозы рекордное количество—до 28 тысяч! Более того, если фасетки верхней части глаз стрекозы различают только чёрно-белую гамму, то нижние фасетки умеют различать цвета, и различают их намного больше, чем глаз человека. Если сетчатка человека поглощает лишь три спектра—красный, зелёный и синий (остальные цвета результат «смешивания»), то фасетки стрекозы—пять, что позволяет ей видеть и в инфракрасном и ультрафиолетовом диапазонах!!! Частота зрения стрекозы в четыре раза превосходит человеческую. То есть если человек видит 24 кадра в секунду, то стрекоза—около сотни.

Итак, что мы имеем? Существа, имеющие глаза на голове, могут их иметь подобно стрекозе—до 28 тысяч глаз!

Теперь по поводу шести крыльев. Около 350 миллионов лет назад в каменноугольном периоде на Земле существовали огромные (величиной с голубя) летающие насекомые—диктионевриды, предки стрекоз. Размах крыльев у них был порядка сорока сантиметров. Один из видов диктионеврид—стенодиктия обладал шестью крыльями. Дополнительная пара маленьких крыльев у них располагалась возле головы, то есть ими стенодиктия могла прикрывать голову (точно, как в описании пророка Исайи!).

Давно уже пришёл к выводу, что искать в космосе инопланетный разум, предполагая его абсолютное человекоподобие—наивно и бессмысленно. Многообразие разновидностей разума во Вселенной очевидно. Оно может быть и «исполненным очей» и шестикрылым. Каким угодно. И древние

пророки, возможно, что-то знали об этом. А возможно, и нет. Но во всяком случае их речи могут представляться нам странными лишь потому, что мы многого не знаем из того, что было известно (или представлялось) им.

Чины и звания Пушкина

Несмотря на огромное количество исследований, посвящённых Пушкину, на протяжении вот уже трёх столетий продолжают существовать значительные разногласия по поводу очень важных аспектов для понимания того, что же произошло в конце января 1837 года на Чёрной речке между Пушкиным и Дантесом, почему это произошло и почему произошло именно так.

Между ними произошёл поединок на пистолетах, до сих пор ошибочно именуемый дуэлью. Почему ошибочно? Дуэлью называется только тот поединок между участвующими в нём, на который одна из сторон вызвала другую. Как известно, ни Дантес, ни Пушкин в январе 1837 года на дуэль друг друга не вызывали. Да, осенью 1836 года Пушкин действительно вызывал Дантеса на дуэль, но сам же свой вызов и отменил в связи с официально объявленной свадьбой между Дантесом и сестрой жены Пушкина Екатериной Николаевной Гончаровой. Всё. Других вызовов ни один из них никому не делал.

В январе 1837 года Пушкина вызывал на дуэль посланник Нидерландского королевства барон Луи-Якоб-Теодор ван Геккерн де Беверваард. Но на дуэль сам он не явился, а отправил туда Дантеса. Вместо себя. Интересная, кстати, дипломатическая ситуация: офицер русской армии выходит на поединок с подданным России Пушкиным, представляя на поединке посла иностранной державы, олицетворяющего собой Нидерландское королевство. Повторяю, для Дантеса это поединок, а не дуэль: лично он никого никуда не вызывал, и его тоже никуда не вызывали.

Посол иностранного государства—весьма высокий официальный статус. Кого могло вызвать на дуэль лицо, являющее собой лицо европейского королевства в России? Дворника могло? Нет. А титулярного советника? Посол—против (согласно таблицы о рангах) мелкого чиновника 9-го класса? Сомнительно. Однако известна и вот уже почти двести лет повторяется официальная запись из послужного списка титулярного советника в звании камер-юнкера Александра Пушкина, (опубликовано в 1937 г.): «...Обучался в Императорском Царскосельском Лицее. Выпущен из оного и по высочайшему указу определён в ведомство иностранных дел с чином коллежского секретаря 1817 г. июня 13-го. По высочайшему указу уволен вовсе от службы 1824 г. июля 8-го... По высочайшему указу определён по-прежнему в ведомство государственной коллегии иностранных дел тем

же чином, 1831 г. ноября 14-го. Пожалован в титулярные советники 1831 г. декабря 6-го. Пожалован в звание камер-юнкера 1833 г. декабря 31-го»

Вроде бы всё верно, и никаких разночтений быть не может. Но не так всё просто. Если уж разбираться, то сначала следует определиться со значениями слов, упоминаемых в табели о рангах. В ней говорится о чинах. Титулярный советник — чин, а камер-юнкер в пушкинские времена уже не чин, а звание. Чин камер-юнкера был в России отменён с 1809 года. А звание — осталось. Поэтому обратимся к словарям. Согласно толковому словарю Ожегова: «Звание — официально присваиваемое наименованию, определяющееся степенью заслуг, квалификацией в области какой-н. деятельности, служебным положением. Воинские звания. Учёное з. профессора. з. заслуженного артиста». То же самое утверждает Большой энциклопедический словарь: «Звание — устанавливаемое и присваиваемое компетентными органами наименование, свидетельствующее об официальном признании заслуг отдельного лица или коллектива либо о профессиональной, служебной, научной или иной квалификации. Существуют звания почётные, воинские, учёные, спортивные, персональные, квалификационно-профессиональные, лауреатов премий, конкурсов и др». А что такое «чин»? Заглянем в толковый словарь Ушакова: «Чин — Степень служебного положения государственных служащих, гражданских и военных (дореволюц., загр.)».

Таким образом, чин — это должность, а звание — статус. То есть, к примеру, президент страны и главнокомандующий — это должность (чин), а звание — может быть и полковник. На должность самого себя можно и назначить, например генеральным директором, а вот звание самому себе дать невозможно. Звания присуждают другие. Командующим армии может быть и простой мужик, если армия эта, например, пугачёвская, повстанческая. А вот генералом себя самого назначить невозможно, это звание, а не должность.

И в пушкинские времена обо всём этом хорошо знали все, в том числе и писатели. «Дай бог здоровья вам и генеральский чин», — пишет Грибоедов в своём «Горе от ума». В этом пожелании явно говорится не о звании генерала, а о получении должности (чина), соответствующей генеральскому званию.

«Ты, однако же, сказал, какой на мне чин, и где служи?» — спрашивает Гоголь устами Подколесина — героя пьесы «Женитьба», подразумевая именно служебное место, должность, а не звание.

Знал об этом, естественно, и сам Пушкин. К сожалению, не заметил пока, чтобы кто-то из исследователей биографии Пушкина обратил внимание на то, что чины в соответствии с табелем о рангах повышались в зависимости от выслуги лет. Так, к примеру, срок выслуги для получения следующего

чина титулярного советника для коллежского секретаря составлял 3 года. Для получения чина (должности) коллежского асессора титулярному советнику также нужно было отслужить в своей должности 3 года. Коллежскому асессору, дабы стать надворным советником, нужны были уже 4 года службы. Надворному советнику для получения должности (чина) коллежского советника — ещё 4 года. И наконец, коллежский советник становился статским советником тоже через 4 года. Итого коллежскому секретарю, чтобы стать статским советником, необходимо было проработать в соответствующих должностях $3 + 3 + 4 + 4 + 4 = 18$ лет. Это при обычном продвижении по службе. Если же учесть то обстоятельство, что кандидату на повышение чина, удостоившемуся именного разрешения императора (или, как было принято писать тогда «Высочайшего благоволения»), один год из установленного срока убавлялся, то срок получения коллежским секретарём чина статского советника мог уменьшаться с 18 до 17, 16, 15, 14 и даже 13 лет, если «благоволение свыше» присутствовало.

Обратим внимание на то, что Пушкин состоял на службе с 1817 по 1824 год. И помнил он об этом хорошо. И не только помнил, но и другим напоминал. 21 июля 1831 года Пушкин пишет Александру Христофоровичу Бенкендорфу: «Заботливость истинно отеческая государя императора глубоко меня трогает. Осыпанному уже благодеяниями его величества, мне давно было тягостно мое бездействие. Мой настоящий чин (тот самый, с которым выпущен я был из Лицея), к несчастью, представляет мне препятствие на поприще службы. Я считался в Иностранной коллегии от 1817-го до 1824-го года; мне следовало за выслугу лет ещё два чина, т. е. титулярного и коллежского асессора; но бывшие мои начальники забывали о моём представлении. Не знаю, можно ли мне будет получить то, что мне следовало...»

Я не случайно акцентирую внимание на должности статского советника. Вот текст Указа Николая I в том виде, в каком он был зарегистрирован в 1836 году: «9336. Июня 23. Именной, объявленный Министру Императорского Двора Управляющим делами Комитета Министров. О непредставлении к пожалованию в звание Камер-Юнкеров чиновников ниже Титулярного Советника, а в Камергеры ниже Статского Советника. Государь Император по статье журнала Комитета Министров 9 сего Июня о том, что Ваша Светлость изволили сообщить г. Председателю Комитета, что Его Императорскому Величеству не благоугодно впредь жаловать в звание Камер-Юнкеров чиновников ниже Титулярного Советника, — в 20 день текущего месяца собственноручно отметить изволил: „в Камергеры не ниже Статского Советника“. О сём Высочайшем повелении Комитет поручил

сообщить всем Министрам и Главноуправляющим отдельными частями, от коих поступают представления к наградам чрез Комитет Министров».

Из этой записи следует, что и монарх прекрасно разбирался в отличиях между чинами и званиями. Из чего следует, что звание камер-юнкера Пушкин мог иметь по своей должности титулярного советника, а для того чтобы получить звание камергера, ему надо было дослужиться до чина статского советника! Именно на это ключевое обстоятельство регулярно ссылаются все противники версии того, что Пушкин на момент своей смерти находился в ином, более высоком придворном звании, нежели звание камер-юнкера. Помимо царского указа и записи из послужного списка Пушкина, нередко приводятся в пример (с комментариями пушкинистов) следующие записи самого поэта о присуждении ему звания камер-юнкера. Поэт, которому шёл в то время 35-й год, воспринял это назначение с нескрываемым раздражением: «Третьего дня,— записывает он в дневнике 1 января 1834 г.,— я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы я NN (Наталия Николаевна) танцевала в Аничкове», «...произведён в камер-юнкеры. Теперь ко мне обращаются „ваше высочордие“. Как-никак, а, практически, статский советник или бригадир...». Тут следовало бы сделать оговорку на то, что Александр Сергеевич был личностью ранимой и чувствительной и звание своё сгоряча называет чином. Чин камер-юнкера действительно соответствовал гражданскому чину статского советника и военному чину бригадира. Но означенный чин был отменён в 1809-м, о чём я уже здесь упоминал.

Так что? Королевский посол на самом деле сделал вызов на дуэль мелкому чиновнику 9-го класса? Оппоненты этой версии, выглядящей весьма правдоподобно, между тем ссылаются на следующие очевидные обстоятельства, умолчать о которых тоже невозможно: перед вами текст важнейшего во всей истории поединка Пушкина с Дантесом официального документа. Приговор военного суда от 19 февраля 1837 года: «По указу Его Императорского Величества Комиссия Военного суда, учреждённая при Лейб-Гвардии Конном полку над поручиком Кавалергардского Её Величества полка бароном Дантесом Геккерном и камергером Двора Его Императорского Величества Александром Пушкиным, сообщая всё вышеизложенное, подтверждённое собственным признанием подсудимого поручика барона Геккерна, находит как его, так и камергера Пушкина виновными в произведении строжайше запрещённого законами поединка. А Геккерна — и в причинении Пушкину раны, от которой он умер. Комиссия приговорила подсудимого поручика Геккерна за такое преступное действие по силе

139 артикула Воинского сухопутного устава и других, под выпиской подведённых законов, повесить, каковому наказанию подлежал бы и подсудимый камергер Пушкин, но как он умер, то суждение его за смертью прекратить. Впрочем, таковой приговор комиссия представляет на благоусмотрение высшего начальства». Задайте вопрос самим себе: мыслимо ли, чтобы в официальном документе, в решении военного суда, выносящего серьёзный вердикт о судьбе двух людей дворянского сословия, ошибочно указывалось звание погибшего человека, известного всей России?

Камергером именовали Пушкина и поручик Дантес, и посол Геккерн, и секундант покойного подполковник Данзас, и командир кавалергардского полка генерал-майор Гринвальд, и начальник гвардейской кирасирской дивизии генерал-адъютант Апраксин. Тот же чин камергера фигурирует в секретном рапорте штаба Отдельного гвардейского корпуса генералу Кноррингу от 30 января 1837. И не только 30 января и 19 февраля, но и 11 марта 1837 года командующий отдельным гвардейским корпусом генерал-адъютант Бистром и начальник штаба корпуса генерал-адъютант Веймарн в письме аудиторскому департаменту военного министерства по-прежнему именуют Пушкина камергером. Могло ли такое количество ответственных опытных военачальников в генеральских погонах внезапно на полтора месяца впасть в коллективное безумие и именовать Пушкина не по его истинному званию? Я в такое не верю. В массе своей военные люди — народ весьма приземлённый и в эмпиреях не витает: сама их деятельность тому как-то не способствует.

Обычно оклад чиновника соответствует уровню значимости его должности. И если рассматривать совокупность косвенных признаков, указывающих на реальную должность человека, то на размер официального оклада следует обратить внимание. Дворника, получающего оклад премьер-министра, вообразить себе, конечно, можно, но найти такого дворника в реальной жизни — вряд ли...

Намекая на бедность Пушкина, зачастую упоминают вот такой отрывок: «В одном из своих писем в 1822 году Пушкин писал: „Правительству угодно вознаграждать некоторым образом мои утраты, я принимаю эти 700 рублей не так, как жалование чиновника, но как паёк ссыльного невольника“. 700 рублей в год ассигнациями — таков был оклад Пушкина-чиновника». Упоминание, конечно, верное, но ведь оно относится не ко всей жизни гения, а только к его молодости, когда он числился кем? Коллежским секретарём. С соответствующим окладом.

Р. Г. Скрынников в книге «Пушкин. Тайна гибели» цитирует беловой вариант письма Пушкина Бенкендорфу: «Не смею и не желаю взять на себя звание Историографа после незабвенного

Карамзина; на мою со временем исполнить давнишнее моё желание написать историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III». Далее Скрынников пишет: «Предложение Пушкина пришлось кстати. На письме Пушкина Бенкендорфу монарх пометил: „Написать г-фу Нессельроду, что государь велел принять его в Иностранную Коллегию... для написания Истории Петра Первого“... 26 сентября 1831 г. А. И. Тургенев сообщил в письме брату важную новость: „Александр Пушкин точно сделан биографом Петра I и с хорошим окладом“. Вскоре же и сам поэт известил приятелей о свалившейся на его голову милости: государь „записал меня недавно в какую-то коллегию и дал уже мне (сказывают) 6000 годового дохода“. „Царь взял меня на службу,— писал поэт Плетнёву,— но не в канцелярскую, или придворную, или военную—нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы...“».

Цитирую Скрынникова дальше: «В июле 1831 г. царь распорядился, чтобы поэту было положено жалованье. Но прошёл почти год, прежде чем дело сдвинулось с мёртвой точки. Назначение Пушкина историографом привело к межведомственной тяготе.

Граф Нессельроде долго отказывался платить деньги коллежскому секретарю Пушкину. Министр внутренних дел Блудов при встрече с поэтом по-дружески сообщил, что говорил с государем и „просил ему жалования, которое давно назначено, а никто выдавать не хочет“. Николай I приказал Блудову обсудить дело с Нессельроде. „Я желал бы, чтобы жалование выдавалось от Бенкендорфа“,— отвечал тот.

В 1828 г. Бенкендорф предлагал Пушкину поступить на службу в III Отделение. Высшие сановники империи, конечно же, знали об этом, чем и объясняется реплика Нессельроде. Министр подчинился лишь после того, как 4 июля 1832 г. получил через Бенкендорфа высочайшее повеление платить жалованье Пушкину в Министерстве иностранных дел. В связи с поступлением на службу коллежский секретарь Пушкин был произведён в титулярные советники. С него взяли подписку о непринадлежности к тайным обществам и масонским ломам, а затем привели к присяге на верность царю. В официальной табели о рангах Пушкин занял невысокую ступень чиновника IX класса. Соответственно он получил оклад в 5000 рублей ежегодно и право на обращение „Ваше благородие“».

Итак, коллежский секретарь с годовым окладом 700 рублей, а следующий за ним чин титулярного советника с годовым окладом... 5000 рублей? Вы понимаете, что это немыслимо? Что такого оклада не могло быть ни у кого, если бы у него действительно по табели о рангах была должность 9-го класса? Вот вам второй аргумент,

свидетельствующий о том, что и фактический чин, и фактическое звание Пушкина были иными: 1) сбесившийся генералитет, тотально именуемый Пушкина камергером; 2) сбесившаяся зарплата, молчаливо принимаемая пушкинистами за зарплату «титулярного советника». И это ещё не всё! Далеко не всё.

В связи с имевшимся у Пушкина вопросом выслуги лет обратим внимание на, говоря современным языком, его общий «трудовой стаж». С 1817 по 1824 год—7 лет. Это ясно. А вот дальше в связи с увольнением с работы и заключением в псковскую ссылку (Михайловское) стаж прерывается. Возобновляется он, по версии официальных историографов, в ноябре 1831 года. Однако вот на что я хотел бы обратить внимание: официальный стаж и официальная должность. А мы уже убедились, насколько в данном случае официальная должность отличается от официальной зарплаты. В июне 1829 года Пушкин был в Турции в составе русской армии. Известно, что на обратном пути из Тифлиса в Санкт-Петербург Пушкин предъявлял подорожную такого содержания: «Господину чиновнику 10 класса Александру Сергеевичу Пушкину, едущему от Санкт-Петербурга до Тифлиса и обратно, предписано Почтовым местам и Станционным смотрителям давать означенное в подорожной число почтовых лошадей без задержания и к приезду оказывать всякое содействие». Напоминаю, что 10 класс—коллежский секретарь. Выше уже упоминалось о том, что в 1828 году Бенкендорф предлагал Пушкину работу в своём ведомстве. Об итогах их переговоров мне неизвестно, однако получить такую подорожную без ведома Бенкендорфа сомнительно. Подорожная—документ официальный. В нём Пушкин называется не бывшим чиновником, а просто чиновником, то есть гражданским, служащим в своей должности. Таким образом, возникает повод для сомнения в том, что Пушкин был принят на работу в 1831 году, а не, как минимум, в 1829-м или даже в апреле 1828 года, когда от Бенкендорфа поступило известное предложение. Если же это так, то реальный стаж Пушкина к 1837 году составлял... 16 лет, срок, которого с учётом «Высочайшего благоволения» вполне достаточно для вступления Пушкина в должность статского советника, а следовательно, и для присуждения ему придворного звания камергера Его Императорского Величества.

Кстати говоря, замечу уважаемому писателю Скрынникову, что Нессельроде, так не желавший платить Пушкину из казны Министерства иностранных дел, всё-таки вывернулся и не платил ему никакого жалованья. Установлено, что Пушкин получал официальную зарплату не в миде, а из специального фонда Николая I в Министерстве финансов. Такое практиковалось только в самых исключительных случаях с особо ценными

сотрудниками. Кстати, для затрат по написанию истории Пугачёвского бунта Пушкин получил от Бенкендорфа 40 тысяч рублей серебром (то есть примерно 160 000 рублей ассигнациями). Какому титулярному советнику такое могло присниться? Никакому. А с историографом Его Величества это произошло, как говорится, в рабочем порядке.

Мы убедились, со слов основного свидетеля — поэта Пушкина, в том, что он заслуженно мог именовать свою должность «историограф России», поскольку сам признавался в этом: «Царь взял меня на службу, но не в канцелярскую, или придворную, или военную — нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы...». Однако официально ни такой должности, ни такого звания при дворе не существовало.

Ещё при жизни русского гения множество людей относились к нему не как к какому-нибудь титулярному советнику: Пушкина просили о покровительстве, у Пушкина искали заступничества... Вот только два случая из многих подобных им... В июле-августе 1836 года Александр Сергеевич пишет А. А. Жандру об одном из просителей: «Я обещаю тебе тебе представить, отвечая за твою готовность сделать ему добро, коли только будет возможно». Нужно иметь в виду, что Жандр в 1836 году занимал должность директора канцелярии морского министерства. Согласитесь: никакой камер-юнкер и помыслить бы не мог так обращаться к подобного ранга чиновнику и тем более заранее за него отвечать.

Кстати, Александр Сергеевич далеко не всегда соглашался помочь просителям, некоторым и отказывал, как отказал Н. А. Дуровой, которая торопила его с изданием её «Записок» и просила его превосходительство Пушкина представить её опусы Николаю Первому на войсковых манёврах. Ей он отвечал следующим образом: «Государю угодно было стать моим цензором: это правда; но я не имею права подвергать его рассмотрению произведения чужие».

Пушкин мыслил масштабами крупного государственного деятеля России. Так, например, в ноябре-декабре 1836 года он пишет В. Ф. Одоевскому: «...по моему мнению, правительству вовсе не нужно вмешиваться в проект этого Герстнера (о постройке железной дороги. — Э. А.). Россия не может бросить 3 000 000 на попытку. Дело о новой дороге касается частных людей: пускай они и хлопочут. Всё, что можно им обещать, так это привилегию на 12 или 15 лет. Дорога (железная) из Москвы в Нижний Новгород ещё была бы нужнее дороги из Москвы в Петербург — и моё мнение — было бы: с неё и начать...».

Есть ещё одно весьма влиятельное официальное лицо, которое пусть не напрямую, пусть косвенно и посмертно, но всё-таки подтвердило версию о том, что в конце своей жизни Пушкин был не камер-юнкером. И лицо это — государь император Николай I. Как известно, после гибели Пушкина царь распорядился о зачислении обоих сыновей покойного в самое привилегированное военное учебное заведение России — Пажеский корпус. Каждому из сыновей его была установлена пенсия в размере 1200 рублей в год.

С 1829 года согласно высочайше утверждённым правилам о порядке зачисления в пажи и определения в Пажеский корпус право зачисления малолетних сыновей в пажи было предоставлено исключительно родителям, относящимся к первым четырём классам табели о рангах. Так вот, четвёртым классом, имевшим такое право, являлись лица в звании камергера. Николай не мог об этом не знать, а значит, поступил в согласии с им же установленными правилами.

Понимаю, что и мои доводы убедят не всех. Камергером он был или камер-юнкером, возможно, имело большое значение для того, кто вызвал его на дуэль, но сам на неё не явился. А для России он был и остаётся просто Пушкиным. Это его самое высокое звание. Дать звание Пушкина или назначить Пушкиным невозможно.